

ВОПРОСЫ КЛАССИФИКАЦИИ И ПЕРИОДИЗАЦИИ КЕРАМИКИ ЭПОХИ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ СЕВЕРО-ВОСТОЧНОГО ПРИАМУРЬЯ

Под Северо-Восточным Приамурьем понимается участок бассейна Нижнего Амура от Амурского лимана до Среднеамурской низменности, которая в эпоху средневековья была северной территорией распространения мохэ-чжурчженской культурной традиции. В него включается и бассейн реки Амгунь с Эвороно-Чукчагирской низменностью. Данная территория отличается от Среднеамурской низменности более суровыми климатическими условиями, разнообразием рельефа, близостью к морскому побережью, отсутствием благоприятных условий для земледелия и крупного животноводства. Всем этим и обусловлено своеобразие данной территории в плане археологических культур и их составляющих, в частности керамики. Территория Северо-Восточного Приамурья является наиболее приближенной к Сахалину частью материка, что естественно обуславливает тесные культурные взаимосвязи.

ПРОБЛЕМА ХРОНОЛОГИЧЕСКОГО РУБЕЖА МЕЖДУ КУЛЬТУРАМИ ПАЛЕОМЕТАЛЛА И РАННИМ СРЕДНЕВЕКОВЬЕМ

Она характерна для всей рассматриваемой территории. На участке распространения тэбахской культуры, на ряде памятников раннего железного века имеются керамические комплексы, которые типологически, на наш взгляд, являются прототипом керамики типа Эноура. Наиболее ярким примером являются материалы верхнего слоя поселения Змейка-1 (табл. 1: 11-12).

Считаем, что при проведении дальнейших исследований будет установлена более тесная взаимосвязь между керамикой амуро-охотского вида (табл. 1: 13-14) тэбахской культуры и керамикой устьевого варианта польцевской культуры. Но, как и в случае с найфельдской и польцевской керамикой на Среднеамурской низменности, остается дискуссионным время перехода.

Более проблематичным является определение рубежа эпох на территории выше по течению устья Амура, примерно, до района с. Ягодный и Эвороно-Чукчагирской низменности. Четко определенных памятников средневековья тут практически не фиксируется. Имеются отдельные находки, которые можно косвенно увязать с троицкой или найфельдской керамикой. Например, сосуд с памятника Кольчем-1 (табл. 1: 1) или фрагмент керамики с Чукчагирского озера [Мочанов, 1970].

В то же время, на всей этой территории имеются памятники, на которых обнаружена керамика, выделенная на западном побережье Татарского пролива (Хололика-2, Буя, Коппи) (табл. 1: 2, 3, 4) в тумнинский тип керамики [Дерюгин, 2000], а в бассейне р. Бурей в бурейский тип [Древности Бурей, 2000]. В одной из работ данная керамика была обозначена как «коппинский» тип [Дерюгин, 1999]. Однако название было заменено, так как, несколько ранее выхода работы по памятникам Татарского пролива, коппинским типом была названа керамика со шнуровыми оттисками [Шевкомуд, 1998], имевшая хождение в Северо-Восточном Приамурье в начале 1 тыс. до н. э. [Фукуда и др., 2005].

Впервые она найдена на поселении Коппи [Дьяков, Дьякова, 1983] и была отнесена к троицкой группе мохэской культуры. Однако, их сближает только нали-

чие приема замывания ложнотекстильных оттисков. В остальном, как по форме сосудов, так и по приемам орнаментации, это разные традиции. Происхождение этой керамики пока остается дискуссионным. Хотя имеются некоторые моменты, предполагающие ее взаимосвязь с некоторыми комплексами раннего железного века низовьев Амура.

Керамика тумнинского типа имеется среди материалов бассейна р. Амгунь и Чукчагиро-Эворонской низменности. Она найдена на поселениях Красный Яр [Окладников, 1979], 95-й створ у п. Удинск [Копытько, 1984], на стоянке в устье р. Кокульня, на о-ве Муравьиный, на о. Св. Витуса, на стоянке Хуларын-Хинкичан [Мочанов, 1970]. Относительно датировки данной керамики мнения исследователей расходятся. В. Н. Копытько керамику с многослойного поселения 95-й створ относит к раннему железному веку. А. П. Окладников давал более узкие временные рамки ее существования, относя ее к польцевской культуре. Однако он отмечал, что здесь не наблюдается такого разнообразия форм сосудов, как на Амуре, и делает предположение, что на Амгуни существовал «какой-то иной этнический мир, по-видимому тот, который в общем можно было бы назвать уже не амурским, а охотским, т.е. древнекорякским» [Окладников, 1979]. То есть, по времени, это соответствует эпохе средневековья.

Интересные данные, сопоставимые с керамикой тумнинского типа, получены на памятниках Сухие Протоки-2 и Усть-Талакан (табл. 1: 5, 6) на р. Бурей [Древности Буреи, 2000]. По радиоуглеродному датированию, она относится к VIII в. Однако отмечается, что в это же время в регионе распространяется керамика найфельдской группы. Возможно это объясняется временным проникновением населения с керамикой тумнинского типа из более северных таежных районов, или все-таки ее более ранним возрастом по отношению к мохэской керамике. С другой стороны, на стоянке Хуларын-Хичкикан керамика тумнинского типа сопровождалась керамикой найфельдской группы.

Первоначально, исходя из материалов Буреи и Татарского пролива, керамику тумнинского типа было предложено отнести к середине I тыс. н. э. Однако аналогичная керамика (табл. 1: 7, 8), найденная на ряде памятников оз. Удьюль, по мнению исследователя, имеет более ранний возраст [Шевкомуд, 2003]. При этом делается ссылка на результаты радиоуглеродного анализа первого горизонта на поселении Гольый Мыс-5 (1965 ± 100 л. н. СОАН-4494) и жилища-1 на поселении Кольчем-3 (2040 ± 40 л. н. ТК-957 и 1710 ± 30 л. н. ТК-956) [Като, Шевкомуд, 1999]. Однако, на наш взгляд, эти даты нельзя пока конкретно соотносить с керамикой тумнинского типа. В первом случае образец для датирования был взят из угольного слоя, образовавшегося в результате лесного пожара до формирования слоя с рассматриваемой керамикой. Во втором случае, культурная принадлежность датированного жилища четко не определена, в его заполнении найдена и керамика типологически отличная от тумнинского типа, и которая, судя по некоторым морфологическим признакам, относится к раннему железному веку. Имеющиеся на сегодняшний день радиоуглеродные даты, которые связывают с керамикой тумнинского типа, указывают лишь на время, раньше которого данная керамика не могла существовать.

ПРОБЛЕМА ВЫДЕЛЕНИЯ КУЛЬТУР, ТИПОВ КЕРАМИКИ И ИХ ТЕРРИТОРИАЛЬНОГО РАСПРОСТРАНЕНИЯ

Керамика тумнинского типа сейчас хорошо выделяется только типологически и географически. В отношении же временных рамок остается много вопросов. Пока ясно только одно, такая типологически выдержанная керамика не могла существовать на протяжении всего I тыс. н. э.

В настоящее время, в эпоху средневековья отчетливо выделяется лишь тэбахская культура, которая проходит 2 этапа в своем развитии – период Эноура и период минами-кайдзука [Дерюгин, 2003]. Сохраняется вопрос о начале ее существования, который напрямую связан с дискуссией о времени возникновения мохэской керамики.

В части морфологического развития тэбахской керамики также сохраняются вопросы, в частности о переходе от круглодонных сосудов тэбахского типа (табл. 1: 15) к плоскодонным (табл. 1: 16-17) и периоде их существования. Ряд японских исследователей утверждает, что развитие тэбахского типа шло в обратном направлении и на всем протяжении существования тэбахской культуры [Кумаки, 2004; Усуки, 2004], что вызывает множество вопросов.

По И. Усуки, керамика тэбахского типа берет свое начало в плоскодонной керамике устьевого варианта польцевской культуры. Конечно, близкие по форме к тэбахскому с виду сосуды с ложнотекстильной поверхностью тулова существовали и в польцевской культуре. Однако он не приводит убедительных доказательств того, почему из многочисленных типов польцевской керамики дальнейшее развитие получает только один из них. Развитие же от плоскодонной формы к круглодонной, конечно, можно было бы объяснить использованием последней в каких-либо специальных, например, в ритуальных целях. Однако это нигде не фиксируется.

Керамика тэбахского типа не имела своего продолжения в периоде минами-кайдзука, рассуждения об общих ее элементах с керамикой типа минами-кайдзука не имеют оснований. Нет ни орнаментально-композиционной, ни типологической взаимосвязи. Судить об одновременности разных типов керамики по какому-то одному технически схожему орнаментальному элементу, мягко говоря, проблематично.

Имеются и другие подтверждения правильности наших предыдущих типологических построений в части керамики [Дерюгин, 1998]. На памятнике Аэропорт выделяется еще одна группа керамики (табл.1: 9-10), которая имеет как черты тэбахского типа, так и амуро-охотского типа [Дерюгин и др., 2003]. Т. Кумаки отнес ее к 3-му виду керамики типа Эноура [Кумаки, 2004]. Как раз эта керамика и является завершающим этапом развития керамики тэбахского типа, ее полного слияния с керамикой амуро-охотского типа (табл. 2).

Еще одной немаловажной проблемой является определение ареала тэбахской культуры. Для установления восточной границы требуется определение ее взаимосвязи с охотской культурой на Сахалине. Южная граница, скорее всего, проходила в районе оз. Кизи, что связано с приморской хозяйственной направленностью культуры. Проблематичным является отсутствие керамики тэбахской культуры в бассейне р. Амгуни, что, видимо, связано со слабой изученностью этого района. На северо-западе материалы тэбахской культуры имеют аналоги среди керамики так называемых памятников раннего железного века северо-западного Приохотья и токаревской культуры. Разносторонний анализ технико-морфологических характеристик керамики, найденной на памятниках вышеназванных культур, а также стратиграфических и планиграфических условий ее выявления, позволил прийти к следующим выводам: на памятниках «раннего железного века Приохотья» отчетливо выделяется группа керамики амуро-охотского вида, морфологически и хронологически сопоставимая с материалами тэбахской и охотской культур. Эта же группа керамики присутствует и на памятниках токаревской культуры, но связана на них, скорее всего, со стратиграфически невыделенным слоем древнекорякской культуры. Однако, говорить о наличии на этой территории памятников тэбахской культуры или какого-то другого локального варианта охотской культуры пока преждевременно [Дерюгин, 2006].

ПРОБЛЕМА ПРИСУТСТВИЯ СРЕДНЕВЕКОВЫХ КУЛЬТУР, В ЧАСТНОСТИ ПОКРОВСКОЙ, НА СЕВЕРО-ВОСТОКЕ ПРИАМУРЬЯ

Наличие на ряде памятников Хоккайдо материалов, свидетельствующих о связях с материковыми культурами [Кикути, 1995], исследования последних лет на Сахалине и открытие на нем артефактов, бесспорно соотносимых с материалами покровской культуры [Василювский, Дедахин, 2004], заставляют рассматривать устьевой участок Амура как один из наиболее возможных путей проникновения материковых изделий в островной мир.

На данной территории находок, которые можно с полной уверенностью соотнести с покровской культурой, крайне мало и представлены они в основном фрагментами керамики. Фрагмент станковой керамики (табл. 3: 4) найден на памятнике Верхняя Патха. Верхние слои на нем разрушены огородом и трудно установить соотношение керамики покровской культуры с основным слоем тэбахской культуры, содержащим керамику типа минами-кайдзука.

Фрагмент станковой керамики без орнамента и прямоугольное в плане керамическое грузило (табл. 3: 6) имеются среди подъемных сборов на окраине с. Алевка в лимане Амура. Фрагмент станковой керамики (табл. 3: 3) имеется среди сборов на памятнике 95-й створ на Амгуне [Копытько, 1984]. На последнем из них полностью отсутствует какая-либо местная керамика, которая могла быть соотнесена по времени с покровской.

Фрагменты нижней части одного станкового сосуда (табл. 3: 5) обнаружены при раскопках на поселении Старая Какорма [Лосан, 1991]. Они собраны в дерне, под которым находился слой, содержащий остатки тэбахской культуры, относящиеся к ее ранним этапам развития во второй половине I тыс. н. э.

Некоторые предметы, которые можно отнести к покровской культуре, имеются среди материалов подъемных сборов В. Н. Копытько на памятнике Тэбах. Присутствуют фрагменты станковой керамики (табл. 3: 1-2), фрагменты сосудов с поливной поверхностью, керамическое грузило с резным орнаментом (табл. 3: 7). Отметим, что здесь не найдена керамика типа минами-кайдзука, которая сопоставима по времени с покровской культурой, все материалы датируются более ранним временем.

Относительно многочисленная коллекция станковой керамики собрана на мысе Вассэ у быв. с. Астрахановка. Представляется возможным, что здесь имелось укрепление подобное городищу на мысе Крильон. Мыс Вассэ является отличной стратегической точкой, с которого полностью контролируется вход в Амур со стороны лимана. Все подъемные сборы произведены у песчаных насыпей высотой более 3 м, которые, по словам местных жителей, образовались в результате работы земснаряда. Однако это выглядит маловероятным на основании мелководья у ближайшего берега. Конечно, имеется вероятность того, что они появились в период создания в устье Амура оборонительных сооружений русскими. Требуется дополнительные исследования, включая и аэрофотосъемку.

Исходя из имеющихся на сегодняшний день сведений, можно сказать, что данная территория не входила в ареал покровской культуры, имеющиеся материалы относятся к позднему этапу ее развития, месторасположение памятников, где он собран, связано с пунктами, которые доминируют над прилегающей местностью, контролируя долину Амура. Велика вероятность того, что большинство памятников, содержащих материалы покровской культуры, связаны с единовременным проникновением ее носителей, близким ко времени сооружения городища на Крильоне.

В заключение хочу выразить признательность И. Я. Шевкомуду и В. Н. Копытько за предоставленную возможность работы с их полевыми материалами.

ПРИМЕЧАНИЯ

Василевский А. А., Дедакин О. Ю. Некоторые проблемы, перспективы и стратегия изучения средневековья острова Сахалин в свете международных исследований Крильонского городища (Сирануси) // Археологические исследования торговых путей древнего периода и средневековья между Сахалином и Северо-восточными районами Японского архипелага. Мат. межд. симп. Т. 1. Саппоро: Университет Хоккайдо, 2004. С. 11-16.

Дерюгин В. А. Керамика тэбахского типа // Россия и АТР. 1998. № 2. С. 71-80.

Дерюгин В. А. К вопросу о периодизации памятников материкового побережья Татарского пролива и их взаимосвязи с памятниками Сахалина // Краеведческий бюллетень. № 4. Южно-Сахалинск, 1999. С. 55-69.

Дерюгин В. А. Памятники Татарского (Мамия) пролива // Кайдзука. № 55. 2000. С. 13-26.

Дерюгин В. А. К дискуссии о развитии керамики тэбахского типа // Амуро-охотоморский регион в эпоху палеометалла и средневековья. 1. Хабаровск: Хабаровский краеведческий музей, 2003. С. 89-100.

Дерюгин В. А. Керамика Северо-Западного Приохотья, сопоставимая с материалами тэбахской и охотской культур // Пятые Гродековские чтения: Материалы Межрегион. науч.-практ. конф. «Амур – дорога тысячелетий». Хабаровск: Хабаровский краевой краеведческий музей им. Н. И. Гродекова, 2006. С. 148-156.

Дерюгин В. А., Денко А. Б., Роганов Г. В., Косицина С. Ф. Раскопки на поселении Аэропорт в устье Амура // Амуро-охотоморский регион в эпоху палеометалла и средневековья. 1. Хабаровск: Хабаровский краеведческий музей, 2003. С. 111-144.

Древности Бурей. Новосибирск: ИАиЭ СО РАН, 200. 341 с.

Дьякова О. В. Происхождение, формирование и развитие средневековых культур Дальнего Востока. Владивосток: Дальнаука, 1993. 408 с.

Като Х., Шевкомуд И. Я. Отчет о совместных исследованиях в Кольчезе на озере Удыль (Нижний Амур) в 1998 г. // Проект «Амур». Цукуба, 1999. С. 3-35.

Кикуги Тосихико. Исследования древних культур Северо-Восточной Азии (Хокото Адзиа кодай бунка но кэнкю). Саппоро: Хоккайдо дайгаку тосе канкю-ся, 1995. 544 с.

Кумаки Тосиаки. Ситуация с исследованием керамики на Сахалине // Археологические исследования торговых путей древнего периода и средневековья между Сахалином и Северо-восточными районами Японского архипелага. Мат. межд. симп. Т. 1. Саппоро: Университет Хоккайдо, 2004. С. 73-80.

Копытько В. Н. Некоторые результаты археологической разведки на Амгуни // Археология юга Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск: Наука, 1984. С. 167-172.

Лосан Е. М. Исследования на поселении Старая Какорма в Николаевском районе Хабаровского края // Краеведческий бюллетень. № 2. Южно-Сахалинск, 1991. С. 73-83.

Мочанов Ю. А. Археологическая разведка по реке Амгуни и Чукчагирскому озеру // По следам древних культур Якутии. Якутск, 1970. С. 160-78.

Окладников А. П. Археологические коллекции Л. Я. Штернберга с Нижнего Амура // Известия СО АН СССР. 1979. № 6. Серия общ. наук. Вып. 2. С. 74-75.

Усуки Исао. Железный век Северо-Восточной Азии (Тэки дзидай но Тохоку Адзиа). Токио: Досэйся, 2004. 318 с.

Фукуда Масахиро, Шевкомуд И., Такахаси Кэн, Косицина С., Горшков М., Кияма Кацухико. Исследования на многослойном памятнике Голый Мыс-1 // Дай 6-кай Кита Адзиа теса кэнкю хококукай. Саппоро, 2005. С. 19-25.

Шевкомуд И. Я. Относительно керамики с петлевыми оттисками шнура // Кита но бунка корюси кэнкю дзиге токан хококу. Саппоро: Хоккайдо кайтаку кинэнкан, 1998. С. 101-108.

Шевкомуд И. Я. Палеометалл северо-востока Нижнего Приамурья (поселение Голый Мыс-5) // Амуро-Охотоморский регион в эпоху палеометалла и средневековья. 1. Хабаровск: Хабаровский краеведческий музей. 2003. С. 7-36.

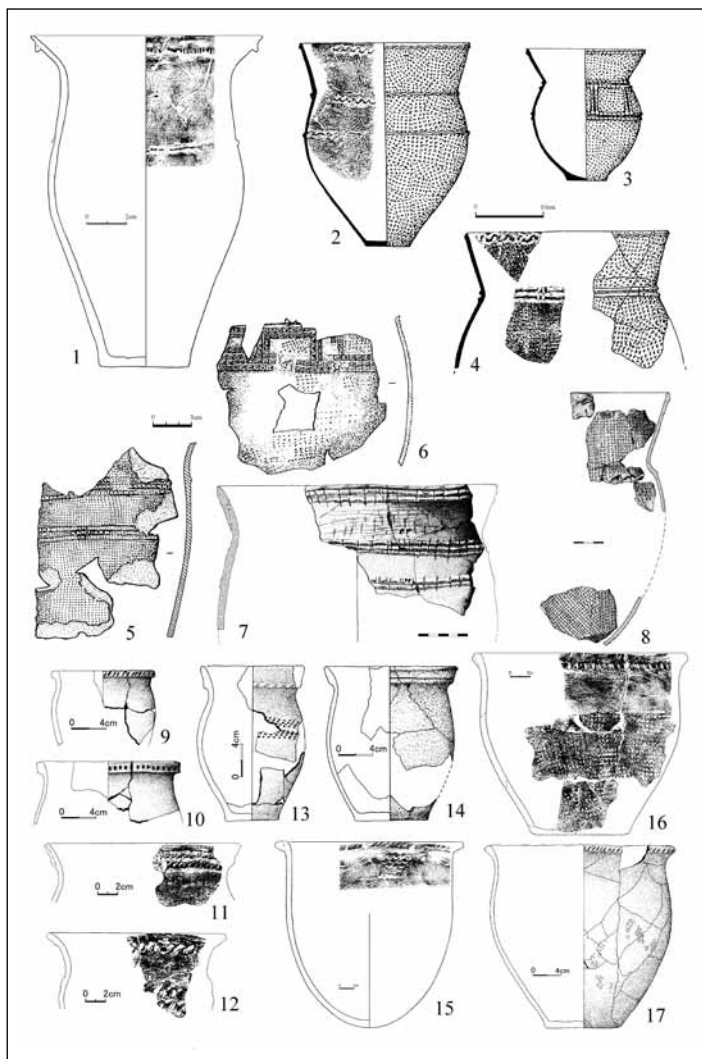

Табл. 1. Керамика Северо-Восточного Приамурья: 1 – поселение Большая Бухта-1; 2, 3 – поселение Хонолика-2; 4 – стоянка Буя; 5 – стоянка Сухие Протоки-2 (по Древности Буреи, 2000); 6 – стоянка Усть-Талакан (по Древности Буреи, 2000); 7, 8 – поселение Голый Мыс-5 (по Шевкомуд, 2003); 9, 10, 13, 14, 17 – поселение Аэропорт; 11, 12 – поселение Змейка-1; 15 – поселение Старая Какорма; 16 – стоянка Изют

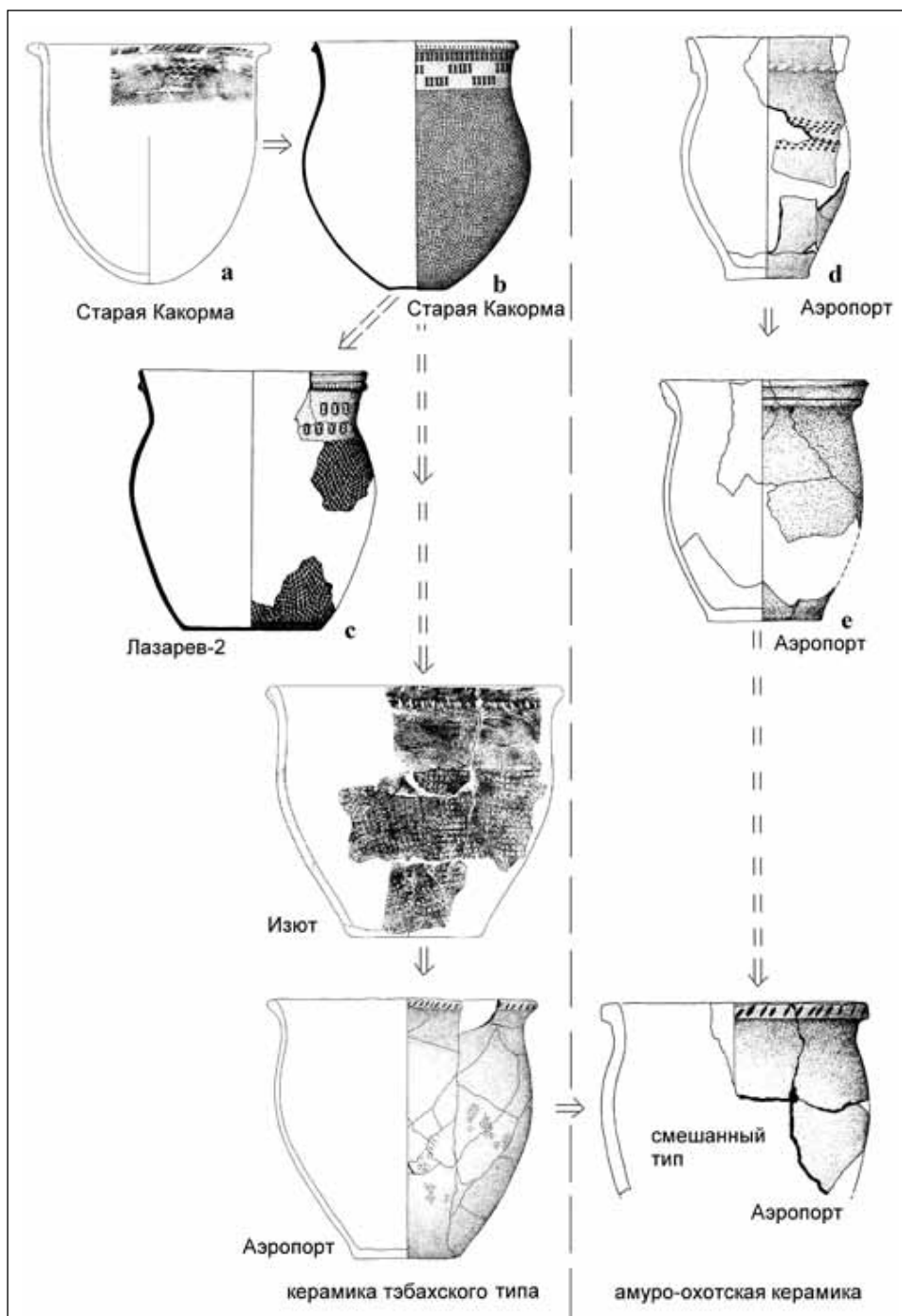

Табл. 2. *Схема развития типов керамики в рамках тэбахской культуры*

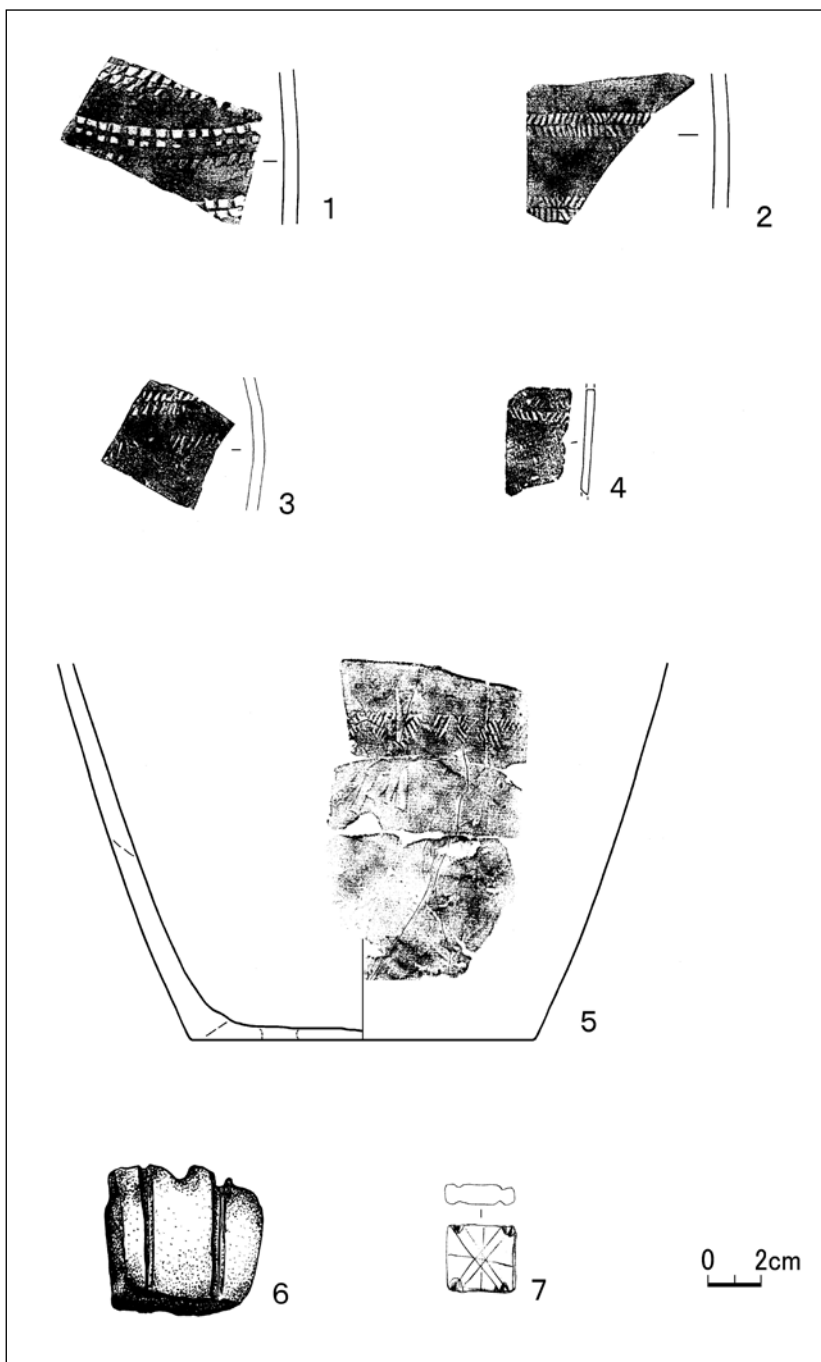

Табл. 3. Материалы покровской культуры с памятников Тэбах (1, 2, 7), 95-й створ (3), Верхняя Патха (4), Старая Какорма (5), Алевка (6)

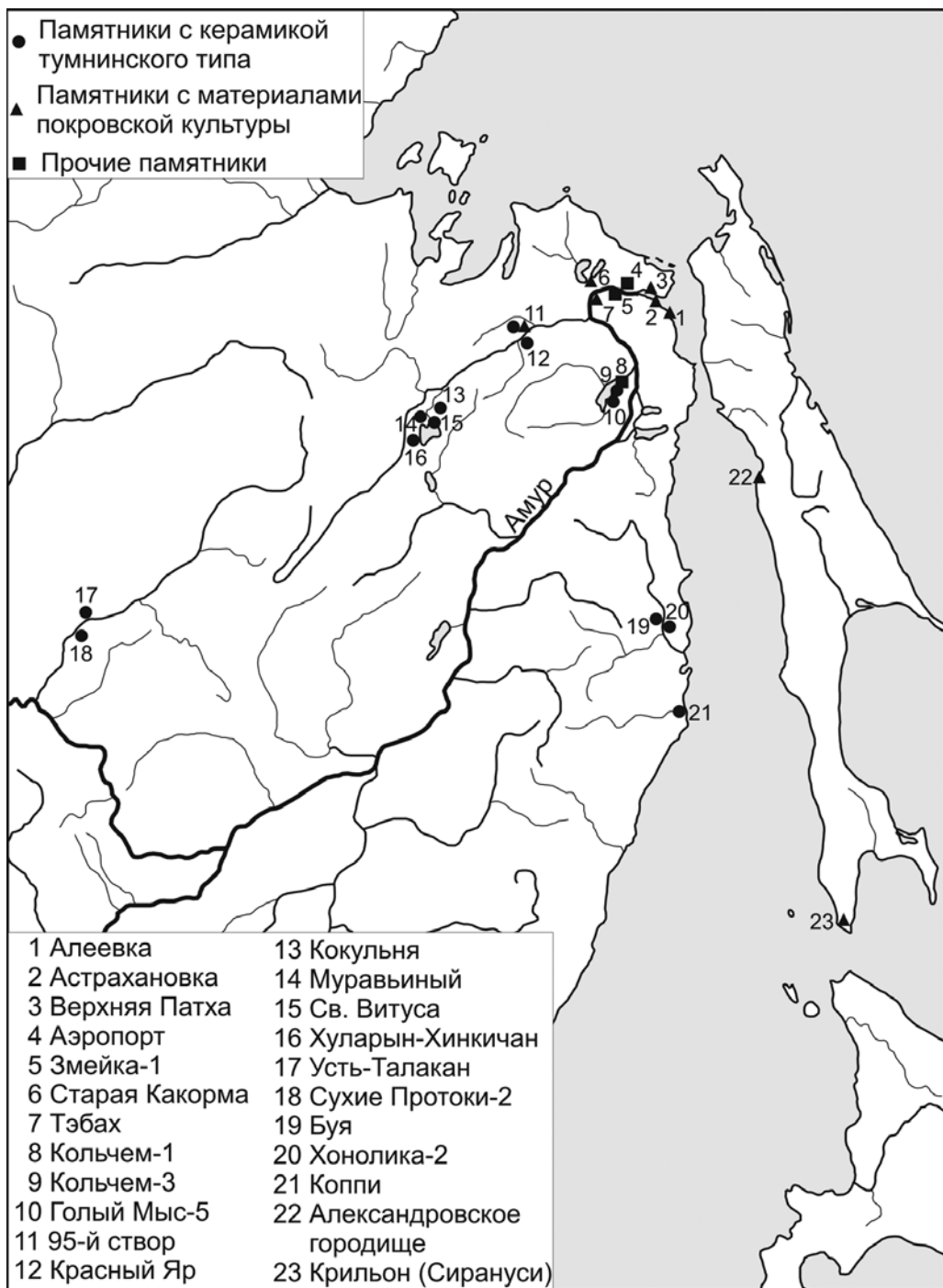

Табл. 4. Карта памятников